

ДАХА
ТАРАТОРИНА

КАК КО МНЕ
СВАТАЛСЯ
ВЕТЕР

Даха Тараторина

Как ко мне сватался Ветер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73596063

Аннотация

Великая честь стать невестой Ветра! И великое проклятие... Потому что Ветер могуч и жесток, а дом его холоден и безлюден. Ни одна девица не возвращалась оттуда живой. Что ж, может, мне повезет стать первой?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	58
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Даха Тараторина

Как ко мне сватался Ветер

Привет, дорогие читатели!

Вы держите в руках книгу редакции Trendbooks.

Наша команда создает книги, в которых сочетаются чистые эмоции,

захватывающие сюжеты и высокое литературное качество.

Вам понравилась книга? Нам интересно ваше мнение!

Оставьте отзыв о прочитанном, мы любим читать ваши отзывы!

© Даха Тараторина, 2021

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

Книги – наш хлѣбъ

Наша миссия: «Мы создаѐм мир идей для счастья взрослых и детей»

* * *

Глава 1

Никто не смеет спорить с Ветром

Пять лет назад мой отец совершил ошибку. Никто не смеет спорить с Ветром, но каждый герой мечтает убить монстра. Мой отец был героем. А еще он был дураком.

Я стиснула гребень так сильно, что побелели пальцы. Подняла, чтобы в восемьдесят восьмой раз, как и подобает невесте, провести им по золотящимся в предрассветном мраке

волосам... и запустила в зеркало.

Невеста... Это насмешка, не более. Меня принесут в жертву, а белоснежный ритуальный наряд станет саваном. Невеста...

Я не невеста Ветра, я откуп. Откуп за дерзость, за глупость, за ошибку отца. Он не отпустил бы меня на свадебный пир. Перерезал бы горло, чтобы алые капли вплелись в вышивку на вороте платья, петлей захлестывающем шею. Папа спас бы меня от чудовища! Если бы был жив...

Пять лет назад он дерзнул выступить против монстра. Ветер испокон веков мучил наш город, забирал все, что ему приглянется, брал, не спросив и не заплатив. Мы терпели. Привыкли терпеть, как терпели наши деды и прадеды. Лучше бы мы терпели и дальше! Лучше бы страдал весь город, но папа... папа остался жив.

Трещины на зеркале разделили мое бледное лицо на части – дурная примета. Но что мне теперь приметы?! Завороженная, я потянулась к стеклу и отковырнула осколок. Острый. Острее ножа. Поднесла к шее.

Монстру показалось мало убить наглеца. Он спустился с гор и ступил на нашу... на свою землю. Он был высок и страшен, а серебристые виски казались воинским шлемом на черных волосах. Он швырнул голову моего отца на помост и наступил на нее сапогом.

– Вы и правда настолько глупы? – усмехнулся он. – Послали не отряд, не опытных бойцов, а торгоша с кинжалом?

Мы послали не торговца. Мы послали героя. И мы его потеряли. Городничий плюхнулся на колени и заскулил от ужаса. Он скулил так, что заглушал вой матери в толпе. А Ветер лениво потребовал:

– Я хочу жену этого идиота.

Толпа отхлынула в стороны, как рой испуганных мух. Никто не встал меж вдовой и монстром. Я плакала. О, как я плакала!

– Нет! Мама! Мама!

Но крик сопливой девчонки потонул в согласном ропоте:

– Лерий совершил ошибку! Его семья заплатит! Справедливо! Справедливо! Справедливо!

Справедливо... Справедливо ли отдать одну дрожащую от страха женщину на растерзание чудовищу, чтобы отвести гнев от целого города? Для меня – нет. Но никто не смеет спорить с Ветром.

– Помогите! – просила, умоляла их я. – Кто-нибудь! Мама! Остановите же его!

Но мужчины лишь отводили глаза. Кто-то покачал головой, кто-то хлопнул меня по плечу. Кто-то и вовсе схватил за локоть, чтобы не наворотила дел. Не зря, видно, опасались... Что монстр сделает со вдовой преступника? Надругается? Разорвет на части? Унесет в свое логово на горе, как случилось с жертвами испокон веков?

Ветер шевельнул густыми бровями и облизнулся:

– Тащите.

– Не-е-е-ет! Мама!

Никто не ждал беды от тощей мелкой девчонки. Никто не знал, да я и сама не знала, как могу кусаться и царапаться. Много дней после гончар, державший меня, не мог сесть за работу из-за шрамов на руках. И уж конечно, никто не ждал, что я выкрикну:

– Забери меня! Я расплачусь за отца!

Вырвавшись, я кинулась к маме, заслонила ее собой. А она лишь слабо шевельнулась, так и не решившись остановить дочь.

– Забери меня, господин!

Голос почти не дрожал. Почти... Он протянул ко мне смуглую лапищу, стиснул подбородок и покрутил из стороны в сторону, рассматривая, как товар. Презрительно бросил:

– Совсем девчонка. На кой ты мне?

– А на кой тебе моя мать?

Дерзкий взгляд ли, твердость слова, упрямо наморщенный лоб – боги знают, что привлекло его тогда. Но Ветер сжалился. Его встопорщенные от ярости брови разгладились, серьга в ухе, завершающаяся острием в форме птичьего когтя, задумчиво качнулась, в хриплом голосе сквозила насмешка:

– Сколько тебе?

– Пятнадцать, – процедила я.

Достаточно, чтобы защитить тех, кого люблю. Тех,

кто остался в живых.

– Смелая. Люблю играть со смелыми. А ведь лет через пять ты станешь настоящей красавицей, – снисходительно протянул монстр. – Что ж, я приму в оплату твою жизнь. Пять лет вы не увидите меня, а потом я вернусь за тобой, девочка. А чтобы к тому времени ты не решила сбежать, прими подарок на помолвку.

Он обхватил мое запястье так крепко, что я зашипела. Издевательски поклонился и поднес ладонь к губам. Поцелуй стал меткой прокаженной. В тот день клеймо легло на кожу крошечным золотым пятном, но за годы печать разрослась подобно виноградной лозе. Она обвивала предплечье, ныряла в рукав сорочки и змеей ползла по спине, напоминая, что он найдет меня где угодно. Но сбежать я и не пыталась: никто бы и не позволил. За пять лет родной город превратился в тюрьму, ведь никто не хотел снова разгневать монстра.

Осколок зеркала кольнул кожу, а я прижала его сильнее. Мне не выбраться из ловушки живой, но никто и не обещал, что невеста Ветра будет дышать. Я закрыла глаза и...

– Тисса!

Дверь не успела захлопнуться, а пощечина уже звенела в ушах. Осколок выпал из пальцев и нырнул в темноту спальни.

– Я не дамся ему живой, мама, – бесцветно проговорила я. Я хотела утешений. Слез, прощаний и прощений. Но до-

ждалась совсем иного:

– А о матери ты подумала, неблагодарная девчонка?! Что будет с городом, что будет со мной, если ты не явишься на свадьбу?!

– На свадьбу? – Я вскочила и рванула белоснежное платье с вешалки на пол. – Это не свадьба, это жертвоприношение! И кому какое дело, сейчас или позже?..

Она до синяка сдавила мое плечо, оттаскивая от наряда. Бережно уложила платье на постель, так и не расправленную с вечера.

– Никто тебя не просил... – Голос сорвался, и матушка продолжила хриплым шепотом: – И твоего отца тоже. Не он изо дня в день смотрел в глаза соседям, слушал шепотки за спиной, терпел укоры. Он умер и тем самым избавил себя от страданий, а я... Мы. Нам пришлось разбираться с последствиями. Ты хочешь так же, как отец? Навлечь гнев на семью и... сбежать?

– Он не сбежал, мама. Он погиб, – тихо напомнила я.

– Я бы тоже предпочла погибнуть тогда. Но мне не посчастливилось. Ты совершила глупость, Тисса. Так имей смелость ответить за нее.

На краткое мгновение материно лицо исказила гримаса, скрыть которую не смогла даже ночь. Она порывисто обняла меня и шепнула:

– Ты такая сильная, моя девочка. Мне следовало бы поучиться у тебя, но... Ты такая сильная, Тисса!

Больше я не произнесла ни слова. Да ей и не нужно было: причесывая невесту, мать щебетала про красоту и вспоминала собственное празднество. Притворялась, будто я и в самом деле выхожу замуж. А я молчала и смотрела в разбитое зеркало. Мы с отцом и правда похожи. Светловолосые, светлоглазые... глупые и до смешного благородные. Что ж, кому, как не мне, заканчивать его дело.

* * *

Он обещал прийти на рассвете. И хотя страх перед господином Ветром велик, он все же меньше любопытства: на площади собралась целая орава людей. Будто на настоящий праздник.

Слишком длинные неудобные рукава ритуального одеяния подметали землю, когда я шла к помосту. Алая вышивка стекала по ткани, как кровь, которой суждено пролиться в брачную ночь. Вот только никто из «гостей» не догадывался, что кровь, которую прольет невеста, будет не ее. Подгадав время, я стащила с кухни нож поострее и спрятала под платьем. Он царапал бедро, не давая забыть о себе, заставляя держать спину прямо, а шагать решительно. Пять лет назад отец совершил ошибку. Теперь моя очередь ошибаться.

Солнце полыхнуло над горизонтом, и на краткий миг я позволила себе надежду: вдруг монстр забыл? У монстров ведь очень много дел... Но потом подул ветер. Сначала лег-

кий, неуверенный, почти ласковый. А сразу после – резкий порыв. Он сорвал шапки с голов зевак. Языками пламени за- танцевали свисающие из окон багряные праздничные флаги. Потом небо потемнело от туч, и монстр спустился с небес.

Ветер сдержал слово: пять лет он не появлялся в городе, не обрушивал камни на вереницы торговцев, протискивающих у подножия горных склонов, не отводил от наших земель дождь. А теперь явился за платой.

Вихрь силился растрепать тугой пучок на затылке, бережно уложенный мамой. А я стояла, прямая и гордая, не желая кланяться подобно остальным предгорцам. Возможно, именно поэтому увидела то, о чем предпочли умолчать другие. Тот, кто спустился с небес, был неуловимо похож на монстра. Высокий, смуглый, черноволосый. В левом его ухе болталась длинная серьга с острым наконечником-когтем – как у Ветра. Но это был не он.

За мной явился не тот мужчина, виски которого посеребрила седина, хотя и очень, очень на него похожий. Этот был моложе. Почти болезненно худ и двигался как танцор, легко шагая по потокам воздуха. Вот только метка, ныряющая в небрежно закатанный рукав рубашки, копировала мою – жених в своем праве.

Он ступил на помост, брезгливо поморщившись. Обвел хмурым взглядом ошеломленные лица людей. Страх нарастал, еще секунда, одно слово – и напряжение взорвется криками. Ветер глубоко вдохнул, точно приносиваясь к витаю-

щему аромату ужаса, припал на одно колено, рассматривая тех, кто явился поглазеть на него. Зрители подались вперед и...

– Бу! – неожиданно припугнул их Ветер и рассмеялся.

Волна прошла по толпе. Зеваки отшатнулись, задевая друг друга затылками, охая и ахая на все лады. Кто-то ретировался, набравшись впечатлений на месяц вперед. А Ветер выпрямился, поправил накиннутый на плечи сюртук и бросил:

– Идиоты.

А потом обхватил меня за талию и взмыл в небо.

Глава 2

Невеста

Все спуталось в голове. Земля и небо поменялись местами, затем еще раз и еще. Воздух похолодел, а потом вообще пропал из легких. Дышать хотелось часто-часто, и волнами подступала дурнота. Болели ребра, хотя монстр и держал меня легко, едва касаясь пальцами, но всего страшнее было открыть глаза. Ведь тогда кошмар станет реальностью: обернувшийся крошечной точкой город внизу и громады гор, го-

товые принять меня в свои холодные объятия.

Наконец ледяные иглы, царапающие щеки, исчезли и раздался звук, до того знакомый, что сердце защемило в груди, – скрип ставней. Вот он – мой новый дом. Надолго ли?

Ветер не церемонился: едва влетев в распахнутое окно, швырнул меня на пол, как тюк ненужного тряпья. Швырнул – и, потеряв интерес, склонился к рабочему столу. Я забила, путаясь в длинных рукавах свадебного наряда, и отползла назад, готовая защищаться. А он, словно нарочно, тянул время: бормотал что-то себе под нос, перекладывая с места на место тяжелые книги, поднял и, передумав, поставил на место чернильницу. Когда Ветер, зажав под мышкой толстый фолиант в кожаной обложке, вновь повернулся ко мне, он вздрогнул, будто не ожидал кого-то здесь увидеть, а затем насмешливо поднял брови. Насмешливо... Еще бы! Как иначе, если не смешно, я выглядела? Растрепанная, дрожащая от холода и страха, забившаяся в угол...

– Н-не подходи...

Прозвучало не как угроза, а как умоляющий шепот. Ветер рассеянно перекинул со стороны на сторону волосы, открывая взору сережку с заостренным наконечником в виде птичьего когтя – крошечный грозный знак, метка монстра. Он и сам был остер, как эта серьга: острые скулы, нос, подбородок. Наверняка и слова тоже будут остры. Развел руками, прижав книгу локтем:

– Боюсь, в этом доме хозяин я. И правила тоже мои.

И шагнул ко мне. Я засучила ногами, силясь вжаться в стену, а то и проломить ее, лишь бы оказаться подальше от господина гор. А он не спешил. Двигался изящно и легко, словно не шел, а плыл, танцевал по воздуху. Но тот танец был сродни танцу змеи – парализующий и смертоносный.

Раз, два, три – и вот он уже рядом, тянется, чтобы схватить за волосы, оторвать голову от тела и наступить сапогом... Я забарахталась, спеша нащупать под платьем нож.

– Не прикасайся ко мне!

– А это что еще такое? – удивился Ветер.

Он наклонился близко-близко, так, что дыхание коснулось мгновенно вспыхнувших щек. Ни один мужчина еще не был ко мне так бесстыдно близко! Разве что... нет-нет, то лишь друг. А Ветер... Ветер жених. Но будь я проклята, если позволю ему свершить то, что должно мужу! Я закусила губу и потянула юбку вверх, чтобы стиснуть спасительную рукоять...

Толстый кожаный переплет стукнулся об пол – книга выскользнула и упала. Ветер приподнял меня и придавил к стене.

– Пусти! Пусти, я... Я убью тебя! Убью! – визжала я, но он лишь теснее прижимался бедрами.

Смуглая жилистая рука скользнула под подол, погладила обнаженную кожу... и нашарила нож, прежде чем это успела сделать я. Выхватив оружие, жених отступил, позволяя мне неуклюже плюхнуться на пол. Он не злорадствовал, но и

не сочувствовал тому, как сильно я ушиблась и как позорно распласталась перед ним.

– Ну-ну. Из нас двоих я куда лучший убийца, – насмешливо протянул он и коснулся лезвия, проверяя остроту. – С приездом, любимая. Располагайся.

И вышел из комнаты, оставив меня захлебываться слезами обиды и унижения. Однако эта мысль недолго заставляла меня страдать. Вышел... Ветер вышел! Оставил меня одну, без присмотра, не запер! Слезы мгновенно высохли, я на четвереньках подползла к двери, не заботясь о том, что испачкаю вышитый матерью белоснежный свадебный наряд, и прижалась ухом к дереву.

Снаружи кто-то возился и пыхтел, но я все же рискнула выглянуть в щелочку. Темноту коридора вспорола полоска света, которая сразу очертила нечто крупное и живое. Едва подавив вскрик, я захлопнула дверь. Хорошо бы еще замкнуться изнутри, да нечем... Что ж, это не единственный выход.

Я вскочила, подхватывая и комкая юбки, и бросилась к окну, через которое влетел сюда монстр с добычей. Удача! Не окно, а настоящие ворота вели из комнаты на обмотанную вьюнками террасу. Я поскорее распахнула нижние створки и выскочила наружу. От яркого света снова потекли слезы. Воздух здесь, в горах, чист и прозрачен, аж больно дышать. Дома такое случалось разве что в лютый мороз. Но здесь зеленел плющ и розовели нежные бутоны цветов: лето, хотя и

совсем не такое, как в Предгорье. Справа и слева скалились облитые льдом вершины гор. Как могут эти неприступные снежные пики существовать в том же мире, что и цветущие растения? Разве не должны тепло и холод разделять долгие слякотные месяцы и затяжные дожди? Но все это мелькнуло в голове и пропало. Какое мне дело до того, что горы покрыты льдом, а терраса у монстра увита зеленью? Нужно бежать из его логова, спастись, пока Ветер не вернулся!

Я перегнулась через перила и... задохнулась. Горы высились не только справа и слева. Мы тоже были горой. Особняк господина Ветра стоял на камнях, а вниз стекала, утопая в пене облаков, отвесная скала. Плетя вьюнка ехидно покачивались, словно сережка в ухе монстра. К чему охрана для глупой птички? Ведь она не умеет летать. Я села, подтянула колени к груди и тихо, бессильно заплакала.

* * *

– Ты шо ето удумала, а?!

Спасительное забытье расступилось под натиском сварливой ругани. Я не без труда разлепила ресницы и ужаснулась: кто-то крупный нависал надо мной, уперев руки в бока.

– Никак застудиться решила? Ну-ка, ня сяди на холодном!

Я поспешила вскочить, чтобы нос к носу... Нет, не так. Бойкая старушонка оказалась на две головы ниже меня. Кругленькая и суетливая, она ухитрялась командовать так

уверенно, а ругаться так грозно, что послушаться не представлялось возможным. Продолжая браниться, она схватила длинный рукав свадебного платья и потащила нерадивую невесту обратно в тепло. Затем тщательно прикрыла верхние и нижние створки окна, чтобы с террасы не дуло, и потребовала:

– Дай хоть пахлядеть на тебя! Тако добро платью испоганила, тьфу! – Старушка стряхнула налипшие на ткань сухие листья, но от тех все равно остались пятна. – Пошли, горюшко!

– К-куда?

– На казнь! – мрачно пошутила старуха, но, сообразив, что я шутки не уразумела, пояснила: – В покои твои, хозяйюшка! Нет, ну ежели хочешь остаться в покоях господина Ветра, я не указ, но так-то он тебе приказал собственные подготовить...

И верно: комната, куда принес меня мучитель, действительно была обжитой. Измятая постель, на которую с укоризной косилась старушка, не заправлена, книги и бумаги навалены на столе, на спинку стула брошен сюртук.

– Конечно-конечно, – с показным восторгом согласилась я. – Раз господин Ветер приказал...

– Егоза! – понимающе ухмыльнулась старушонка.

В логове монстра я ожидала увидеть кости безвинно убитых жертв, мрак и кровавые росчерки на стенах. Но коридор также оказался самым обычным. Мрачноватым и холод-

ным, как и всё в горах, но чистым, не иначе благодаря трудам той же старушки, просторным и наполненным свежим воздухом. От коридора, как от цветочного стебля, в разные стороны тянулись листья-комнатушки. Одна из таких досталась и мне. Куда скромнее, чем покои господина Ветра, пустая и холодная, она все же походила на девичью спальню, а не на пыточную, и я с облегчением выдохнула. Быть может, со временем я обживусь здесь: заполню полки глупыми романами про любовь, какими зачитывалась с детства, выпрошу пушистые мягкие тапочки, вышью полотенце, чтобы умываться по утрам... Но даже тогда тюрьма останется тюрьмой. Я зябко обхватила плечи, а старушка, истолковав жест по-своему, бросилась закрывать распахнутое окно.

– Проветривала, – пояснила она. – Сейчас потеплеет.

Я так и осталась стоять, не решаясь опуститься ни на обитую бархатом кушетку, ни на кровать, пока еще не застеленную бельем. Все казалось: присяду – и захлопнется клетка. Признаю, что остаюсь, – и уже не выберусь. Но моего мнения здесь спрашивать не спешили.

– Что встала как вкопанная? Сымай платье!

Я, напротив, намертво вцепилась в воротник:

– Зачем?

– Нагишом бегать! – мерзко захихикала бабка. Но, видно, я сильно побледнела, потому что, сжавившись, она отступила и принялась перетряхивать постель. – Постираю, почию... Авось еще сгодится. А ты свежее в сундуке возьмешь.

Господин в последнее время их все одно не носит.

Она сощурилась, ожидая взрыва хохота, но я разве что побледнела сильнее прежнего.

– Деточка, та шо ты ровно неживая?

Неживая... Не сильно-то служанка и ошибается! Я и правда умерла давным-давно, пять лет назад, когда монстр выбрал невесту. Беда в другом. Как бы сильно я ни испугалась тогда, забыть лицо своего палача не сумела бы. И лицо у него было другим. На рассвете с площади меня забрал не господин Ветер.

– Кто он такой? – спросила я едва слышно.

Старушка ковырнула мизинцем в ухе, проверяя, не ослышалась ли.

– Кто?

– Хозяин поместья. Тот, кто принес меня сюда.

– Господин Ветер, владелец здешних земель и гор. А еще жа-а-а-а твоёйный! – с непонятным ехидством добавила она.

Хотелось бухнуться на колени и просить, умолять эту добрую женщину выпустить меня на волю. Что, если сжалится? Но метка невесты привычно обожгла спину, напоминая: он найдет меня где угодно. Найдёт и отомстит. И хорошо, если мне.

– Пять лет назад... – Я прокашлялась и, чтобы унять дрожь в руках, принялась помогать взбивать подушки. – Пять лет назад господин Ветер оставил на мне метку не-

сты. – Я задрала рукав, демонстрируя край золотой лозы. – У того, кто принес меня сюда, была такая же.

– Потому как у жаниха и нявесты одна метка на двоих.

– Но это был другой человек! – Под строгим взглядом горничной я расправила смятую подушку и аккуратно положила на полагающееся ей место. – Пять лет назад господин Ветер выглядел иначе.

– На твое счастье, – старушка ревниво подтянула подушку за угол, взбила по-своему и вернула на место, – это действительно так. Не бойся, горяшко. Помяни мое слово, тебе очень, очень повезло!

– А ему нет, – пробормотала я.

– Что говоришь?

– Говорю, во что можно переодеться? – фальшиво улыбнулась я. Полоумные... Все они здесь заодно, все что-то скрывают. Ну ничего, мне терять нечего. А если нечего терять, нечего и бояться.

– А во.

Горничная указала на ширму и подала платье на смену. Легкое и синее, как небо здесь, в горах. После свадебного наряда из тяжелого плотного льна оно совсем не ощущалось на теле. Я глянула в зеркало, чтобы убедиться: нет, не обнажена. Просто тончайшая струящаяся ткань облегла так нежно, точно теплый ветерок едва касается кожи бедер... Я содрогнулась: совсем недавно бедер касался иной Ветер. И тоже тепло... Нет, жарко!

– Точно на тебя шили, горюшко! – восхищенно ахнула старушонка. – Аккурат к глазам!

– Тисса.

– Ась?

– Не зовите меня горюшкой, – попросила я. – Я Тисса. И пока никому не принесла бед.

Голос дрогнул: правда ли не принесла? Как там мать, тоскует ли? Проклинает дочь, которая не нашла в себе смелости избежать нежеланного брака, или тоже примеряет новые наряды, купленные на деньги с откупа? Городничий обещал ей добрый откуп за меня...

– А меня баба Рея зови. – Служанка пригладила мои растрепанные волосы, попыталась распустить тугой пучок, но я не дала. – Правда зови, – с нажимом повторила она, – ежели по неразумению... или глупости обидит кто.

Тут бы дерзко вздернуть нос, мол, я сама кого хочешь обижу! Но, поразмыслив, я сказала иное:

– Спасибо, баба Рея.

– Вот и ладненько. Вот и чудненько! Прихорашивайся, горюшко, и ходи завтракать. Прямо по коридору, а дальше не ошибешься: я на оладушки тесто поставила, по запаху не перепутаешь.

* * *

Баба Рея не соврала. Прежде чем я успела причесаться и

заново закрутить пучок, особняк наполнился такими ароматами, что урчание в животе заглушило все мысли и страхи. Не ела ведь ничего со вчерашнего дня, а бессонная ночь и волнение забрали последние силы.

Собравшись с духом, я выглянула в коридор, короткими перебежками преодолела его и вышла в большую вытянутую залу, увешанную зеркалами. Свет, бликуя, скакал меж стекол, и отличить реальность от отражения удалось не сразу. Когда же я поняла, какой из длинных столов, накрытых скатертью, настоящий, я с ужасом осознала, что и сидящий за ним мужчина тоже не морок. Ветер не спешил развеивать неловкость, в свою очередь разглядывая меня поверх заброшенных на скатерть ног и отхлебывая кофе из фарфоровой чашки.

– Присядешь? – поинтересовался он после невыносимо длинной паузы.

– Как господину будет угодно, – процедила я.

Аппетит улетучился в то же мгновение, как мои светлые глаза встретились с его – темными, насмешливыми, будто подведенными угольком.

– Господину будет угодно, чтобы ты не придуривалась. Ты мне тут нужна не больше, чем я тебе.

– Я могла бы вернуться в Предгорье сегодня же, – рискнула предложить я. – Чтобы не мешать...

– Угу, разбежалась. – Ветер отхлебнул еще кофе, подержал во рту, смакуя, прежде чем проглотить, и наконец раз-

драженно бросил: – Прекрати уже трястись. Никто тебя здесь не обидит. Если, конечно, будешь вести себя благоразумно, – язвительно добавил он, выкладывая на стол нож, который я намеревалась вонзить в сердце жениха. – Ты же будешь?

– Ничего не могу обещать, – едва шевельнула я губами, после чего растянула их в неестественной улыбке и торжественно пообещала: – Разумеется!

Сгустившееся напряжение в ключья порвала баба Рея. Громко пыхтя, она распахнула бедром дверь и спиной вперед вошла в столовую, таща за собой дребезжащий столик на колесиках. Возвышающиеся на нем стопки оладушек опасно накренились.

– Ноги со стола! – походя скомандовала она, локтем спихивая сапоги грозного господина. Тот, как ни странно, послушался.

Ветер цапнул с проезжавшего мимо столика оладушку и сунул за щеку.

– Я бы ш бофым удофольшфием ифбафифся от фефе фе-фас, – прочавкал он.

– С набитым ртом! – возмутилась служанка, а когда мы с господином синхронно повернулись к ней, беззастенчиво повторила: – Не болтай с набитым ртом!

Ветер прожевал и проглотил, а потом холодно заметил:

– Рея, вынужден напомнить, что я все же твой господин.

– С невестой своейной господинкать будешь! – отбрехала та, но тем не менее поспешила удалиться, дабы соблю-

сти хотя бы видимость субординации.

Вслед за нахальной старушкой осмелела и я. Для начала поспешила набить живот, опасаясь, что последующий за завтраком разговор может вывести жениха из равновесия. Ну как передумает быть благожелательным хозяином и отправит в подвал на хлеб и воду? Наконец, расправив складки на юбке и пригладив выбившиеся из прически волосы, я рискнула спросить:

– Не сочтите за дерзость, господин, но... – Я все-таки запнулась.

– Но?.. – заинтригованно подбодрил тот.

– Кх-кх... Кто вы?

Ветер поперхнулся, расплескал кофе на скатерть и, воровато оглянувшись на кухню, передвинул на пятно кувшин с водой.

– Ну-ка повтори еще раз.

Я сдвинула брови к переносице, хотя прекрасно понимала, что вид мой далек от устрашающего. Для храбрости тоже сделала большой глоток кофе и сразу пожалела: горько.

– Кто вы такой? Пять лет назад господин Ветер назначил меня своей невестой...

– Да-да-да, – скучающе перебил мужчина. – Поздравляю с великой честью и все такое. А еще приношу соболезнования, потому что вдовой ты стала быстрее, чем женой.

– Что?

– Господин Ветер, которому ты приглянулась, умер пол-

года назад, – с горечью пояснил он. – И оставил наследнику это, – обвел рукой потолок, наверняка подразумевая несколько большее пространство, чем одну только столовую, – и это, – приподнял рукав, демонстрируя край золотого рисунка, копирующего мою метку. – Вот только... Прости, любимая, я слишком молод и умен, чтобы ввязываться в такую авантюру, как женитьба.

– Так вы...

Я задохнулась: неужели... мы заодно?

– Не имею ни малейшего желания жить долго и счастливо... *с тобой*.

– Так монс... прежний Ветер был вашим... твоим отцом? Ветер поморщился, как от зубной боли:

– Не отцом. Всего лишь скотом, обрюхатившим мою мать.

Не веря своим ушам, я вскочила с места. Обняла бы мерзавца, не сиди он на противоположном конце длиннющего стола, но успела одуматься.

– Ты отпустишь меня?!

Ветер смущенно ковырнул оладушку вилкой.

– Отпустишь? – требовательно переспросила я.

– Ну...

– Я ведь тебе не нужна! Не нужна, правда?

– Упаси боги! – поклялся жених. – Будь моя воля, вовсе не забирал бы тебя. Не люблю лишнюю суету, знаешь ли. Но зову метки сложно противостоять. Папаша передал ее мне вместе с даром Ветра. Подгадил напоследок. А метка накладыв-

вает некоторые... обязательства как на невесту, так и на жениха. К тому же не хотелось разочаровывать жителей Предгорья. Они принесли жертву монстру. Было бы бестактностью со стороны монстра проигнорировать ее, не правда ли?

– Так... – Едва затеплившаяся надежда обратилась в пепел, и это оказалось куда большее, чем ждать неизбежной казни. – Ты не собираешься отпускать меня?

– Верно.

– Несмотря на то, что я тебе не нужна?

– Несмотря на то, что ты основательно меня раздражаешь.

– И я останусь здесь?

– Тут неплохо. Свежий воздух, красивые закаты...

– Несмотря на то, что мой кошмар и убийца моего отца мертв?

– Да, прежний Ветер был тем еще ублюдком, – поддакнул гаденыш.

«Мальчишка. Ехидный, наглый, самовлюбленный!» – внезапно разгадала я. Он понятия не имеет, что все Предгорье дрожит от одной мысли, что где-то там, среди заснеженных вершин, живет монстр! Что он может обрушить камни и отрезать город от остального мира, что может планомерно уничтожать обозы торговцев и посевы, обрекая жителей городка на голод и мучительную смерть. Что столетиями Ветру приносили в жертву женщин, выкупая его милость невинными жизнями. И теперь роль монстра будет играть зарвавшийся щенок?!

Тарелки были красивыми. Из тончайшего фарфора с изящным кантом по краю. Я взяла одну, повертела... и швырнула на пол. Взяла вторую.

– О-о-о, а девушка с характером! – Ветер откинулся на спинку стула и закинул руки за голову. – Продолжай, продолжай. Рея любит этот сервиз. Потом так выпорет – неделю не сядешь! Но ты продолжай, не стесняйся. Будь как дома... любимая! – с наслаждением добавил он.

Следующая тарелка полетела напрямик в лоб учителю, но тот едва ощутимо подул, и, подхваченная потоком воздуха, она сменила направление.

– А вот это уже излишне.

– Отпусти меня! Пять лет я ожидала казни, а теперь, когда поверила, что меня помиловали, ты... ты... Я даже не нужна тебе здесь!

– Я начинаю терять терпение, – спокойно предупредил Ветер.

Но я не услышала. Не захотела слушать, выплескивая наконец весь накопившийся ужас. И тогда ужас оправдался. Потому что Ветер, может, и был новым, а вот дар остался тем же самым.

Он взмыл вверх, словно перо. И пошел ко мне прямо по воздуху. Я швырнула чашку, сахарницу и блюдо, а он будто не уворачивался даже, а танцевал. В темных волосах сверкнуло острие серьги-когтя, Ветер прыгнул, в ушах свистнуло, и пол выскользнул у меня из-под ног. А потом я оказалась

лежащей на спине, и монстр нависал надо мной, как ворон над едва оперившимся цыпленком.

– Кажется, ты не совсем поняла, с кем имеешь дело. Я Ветер. Я не спрашиваю разрешения, а беру то, что мне нравится. И тебе очень повезло, что ты мне не нравишься, любимая. Постарайся, чтобы это оставалось так же. Для твоего же блага.

Глава 3

Друзья познаются в беде

В Предгорье никогда не было дефицита сплетен. Отсутствие событий местные с лихвой компенсировали фантазией и хорошо подвешенными языками, да и проезжающие через городок торговцы (тьфу-тьфу, не осерчай, господин Ветер!) приносили не только налог в казну за пользование выгодным путем, но и темы для пересудов. Однако сегодня все разговоры сводились к одному – к невесте Ветра, юной Тиссе, которую на рассвете унес в свое логово господин. Куда бы ни

пошел Рой, везде слышал одно и то же:

– Такая молоденькая...

– Ей бы мужа хорошего...

– Сожрет, помяните мое слово!

– Никто не возвращался!

– На этот раз откупились... Хорошо бы через год не затребовал новую жертву...

Шепотки и сочувственные взгляды, жучками ползающие по загривку, загнали парня в единственное место, где можно было залить злость. Да и жидкость для заливания здесь предлагали на любой вкус. Рой ввалился в таверну и поспешил спрятаться в самом темном ее углу.

– Как обычно? – осведомилась девушка в захватанном платье.

Она, как и многие другие девицы, не отказалась бы скоротать вечерок в компании улыбчивого красавца с пшеничными кудрями. Но Рой не уделял внимания ни одной из них. Да сегодня он и не улыбался. Не улыбался с тех самых пор, как, выскочив на площадь в порыве безрассудной смелости, увидел лишь, как чудовище уносит свою жертву в небо. Опоздал. Снова опоздал. Слишком долго думал, набирался духу... И не сумел защитить девчонку, которую город обрек на гибель.

– Нет. Пива, – выдавил из пересохшего горла Рой. – Два кувшина.

После пива последовало вино, а уже к обеду его место на

столе заняла пузатая бутылка с дешевым пойлом. Но легче не становилось.

Когда пойло уныло заплескалось на доньшке, а вывернутый наизнанку кошелек изрыгнул лишь две позеленевшие медьки, у Роя остался последний способ заглушить разъедающее изнутри чувство вины. Он повел мутным, как бутылка из-под самогона, взглядом по залу в поисках достойного противника. Исход драки не был важен: взорвется ли голова победным ликованием или разможится о порог, когда его вышвырнут на улицу, – так или иначе, он не будет думать о светловолосой девчонке, жизнь которой так глупо и бессмысленно оборвалась на рассвете.

Как назло, зацепиться было не за кого. Не то широкоплечий нетрезвый детина, ищущий неприятностей, одним видом вразумлял потенциальных драчунов, не то остальные завсегдатаи предпочитали пить ближе к ночи. Что ж, если горе не получается залить, можно разделить его с кем-то. А парень знал лишь одного, для кого гибель Тиссы, как и для него, стала концом света. Рой поднялся, пошатнулся, но удержался на ногах, ухватившись за спинку стула. И, ссутулившись, побрел прочь.

Он с детства знал эту дорогу. Мог бы пройти вслепую, не запнувшись: протиснуться меж колокольной и булочной близ площади, обогнуть рынок, пригнувшись, перебежать запущенный огород старой Даны, засаживающей его каждый сезон лишь для того, чтобы городничий не отдал землю под

лавки, бегом по узкой пыльной улочке, налево – и... Он не бывал у Тиссы уже лет пять, не меньше. С тех самых пор, как девочка лишилась отца, а богатый дом превратился в покосившуюся хибарку. Но помнил. Первую синеглазую любовь никогда не забывают. Даже если ее не пускают к друзьям.

Однако сегодня Рою тоже не суждено было пройти памятным путем. Потому что неподалеку от рынка до него донесся голос. Этот голос многожды гнал его со двора, уверял, что Тиссы нет дома или что подруга не хочет его видеть. Рой не верил, конечно же. Но обойти строгую мать так и не сумел. Да и пытался недостаточно рьяно, если по-честному. Тосковать по невесте Ветра – что может быть глупее?

– Я дочери лишилась на рассвете, а ты мне цену скинуть не можешь? – возмущалась женщина.

– Знаю я, какой откуп тебе за нее выплатили! Небось, сама же дитенка и сговорила! – отбрехивалась торговка.

– Тетя Ара! – растерянно окликнул Рой.

Вдове бы самое время, повязав под подбородком траурную синюю ленту, заливаться слезами! Но вместо того женщина стояла у лотка с мясными деликатесами и требовала скидку. Невысокая, но складная, не по возрасту нарумяненная, она на мгновение испугалась и прижала локтем тугой кошель при поясе, но, узнав парня, успокоилась.

– Мальчик мой! – Ара распахнула объятия, но Рой сделал вид, что не понял, чего ради. – Горе-то какое! Слышал, что сделалось?

– Да... – неуверенно кивнул Рой.

– Как случилось-то? Боги проглядели...

Ара заливалась так, словно в самом деле не ожидала случившегося. Словно не она пять лет назад стояла столбом, когда дочь вызвалась в невесты Ветру, не она вышивала свадебный наряд. Вдова заламывала руки, причитала, собирая вокруг себя благодарных поддакивающих зрителей. И плескалась в сочувствии, как воробей в городском фонтане.

– Коли надо, подсобим!

– Не стесняйся, всегда приходи...

– Твоя кровиночка всех нас спасла, – звучало со всех сторон.

И только Рой замечал нечто неискреннее в согласных стеланиях толпы. В том, как складно палачи играли роли осужденных:

– Да примет небо ее душу!

– Умничка девочка, себя не пожалела!

– Только хорошая мать могла такую героиню вырастить!

Прониклась и упрямая торговка.

– Ну ладно, – нехотя буркнула она, – бери за полцены.

Ради Тиссы...

Выпитая брага ударила в голову или слова давно крутились на языке, но Рой гаркнул:

– Заткнитесь! Заткнитесь, вы все!

Он замахнулся на Ару, но сдержался и не ударил.

– Как смеете вы марать ее имя своими грязными языка-

ми?! Вы обрекли Тиссу на смерть, вы! Никто не попытался ее защитить за пять лет, что она ждала казни! Вы могли убить чудовище! Могли пойти на него все вместе! А вместо этого радовались, что выбор пал не на вас! И ничего... ничего не сделали! А ты, Ара?! Как ты... Из вдовы преступника в мать героини, да? Гордишься? Я вижу, как ты гордишься! Как радуешься! А чему?! Ты не остановила мужа и не защитила дочь! Продала ее, как дойную корову!

Рой умолк, тяжело дыша, а народ шарахнулся от него как от прокаженного. И только беззубый дедок прошамкал:

– А шам-то? Херой!

Слова пронесли над макушками горожан и были соглас-но подхвачены:

– Вольно рассуждать опосля!

– А что мы могли?

– Никто не спорит с Ветром!

– Господину виднее, так испокон веков повелось!

– Девчонка за глупость отца расплатилась! Иначе господин всех похоронил бы под завалами!

– И правда, где был ты, Рой? – кивнула и вдова. – Помню, как мальчишкой ты пробирался в наш двор, как оставлял букеты васильков для Тиссы на окне, хотя я и гоняла тебя хворостиной каждый раз, как ловила. А ты приходил снова и снова... Но в день, когда Ветер забрал ее, ты не пришел. Или винить страдающую женщину проще, чем господина гор?

У Роя пересохло во рту. Он ведь тоже ничего не сделал. У

него было пять лет, как и у любого в Предгорье. Да, он был мальчишкой, не ведающим опасности, пока та не окажется на пороге. Да, он струсил! Он и сам знал это...

– Твоя жизнь должна была закончиться в тот день, – бес- сильно процедил Рой.

– Она и закончилась *в тот* день, – тихо ответила Ара. – Тисса так похожа на отца... Ты и представить себе не можешь, как сильно она похожа на отца. Я просто хочу начать сначала. Неужели это слишком много?

Парень понурился и убрался бы восвояси, но кто-то, оскорбленный его пламенной речью, бросил вслед:

– Вот-вот, иди куда шел! Языком балакать все мы герои!

И этого Рой стерпеть не смог. Он ударил прежде, чем понял, кто ляпнул обидную глупость. Кулак нашел самую нахальную рожу из тех, что поближе. И струна всеобщего напряжения, звенящая с рассвета, лопнула.

Нахальная рожа ударила в ответ, но Рой успел пригнуться, и досталось мяснику, выглянувшему посмотреть, что за сборище у его лавчонки. Мясник, не разбираясь, съездил в ухо молочнику, на которого давно имел зуб. Молочник плеснул кувшин сливок в физиономию косоглазой бабе, которая просто ему не понравилась, а баба исцарапала карманника, обшаривающего ее корзину.

Драка охватила всю рыночную площадь быстрее, чем Ара смекнула, что пора делать ноги. Спроси кто на другом краю потасовки, за что машем кулаками, вряд ли кто угадал бы

ответ. Но город, настроившийся на бурю, наконец-то ее получил. Отвел душу и Рой. Безрассудным он никогда не был: именно малышка Тисса втягивала друга в неприятности, а он следовал за ней, как верный пес-защитник. Но брага затуманила рассудок и выплеснулась неведомой доселе злобой. Она ломала носы и ставила подножки, швырялась глиняными площадками, выставленными на продажу, колотила всех, кто попадался, не разбирая. И, когда Рой выбрался из беснующейся ватаги, неумная злость сменилась безысходностью. Дуя на разбитые костяшки, он протолкался к фонтану с зазеленевшей водой, намочил под струей затылок, умылся и сполз на мостовую у бортика.

Солнце нещадно припекало, драка перетекла в смачную, а после и в вялую обыденную ругань. Рой все сидел и сидел, не находя в себе сил и желания подняться. Он надеялся, что солнце расплавит его и позволит растечься по мостовой безвольной лужицей, которую не терзают ядовитые мысли. Но от солнца его защитила чья-то тень.

– Я присяду? – поинтересовался незнакомец в широкополой шляпе.

И хотя места у фонтана было хоть отбавляй, Рой потеснился.

– Хорошая драка. Посмотреть приятно, – хрипловато заметил мужчина, подтягивая к животу одну ногу. – Ты устроил?

– Ну я, – с вызовом ответил Рой. – Что с того?

Незнакомец равнодушно передернул плечами.

– Ты кто такой вообще? – после тягостного молчания первым подал голос Рой.

– Скажем, друг. – Мужчина опустил шляпу чуть ниже, защищая глаза от яркого света. – Проникшийся твоей пламенной речью.

– Пошел ты!.. Издевается еще...

«Друг» поднял руки вверх, демонстрируя свою полную безоружность:

– Я серьезен. И согласен с тобой. Монстра следовало убить, пока он не ждал удара. Иначе вы вечно будете откупаться от него, а цена однажды станет выше, чем потянете.

Рой покосился на нежданного соратника: неужели правда не смеется?

– Так повелось, – осторожно заметил он. – Наши деды и прадеды приносили Ветру жертву. Раз в десять-пятнадцать лет, не чаще.

– И что же они получали взамен?

Вот уж не думал Рой, что придется защищать образ жизни Предгорья, который и самому ему претил. И уж точно не думал, что придется разьяснять кому-то такие простые истины:

– Его милость. Ветер всегда жил в горах. Если осерчает... Обвал от города ничего не оставит.

Мужчина в широкополой шляпе задумчиво приложил палец к губам.

– И правда, – кивнул он, – ничего не оставит. Так что же, пусть и дальше висит над вами незримой угрозой? Сколько жертв он запросит в следующий раз?

– А не все ли равно? – На жаре Роя разморило, продолжать бессмысленный разговор он не собирался, поэтому с трудом поднялся. – Ту, кем я дорожил, Ветер уже забрал. Плевать я хотел, кого он возьмет в следующий раз.

Он уже направился в узкий перешеек между домами, откуда тянуло спасительной сыростью, но незнакомец окликнул Роя еще раз:

– А что, если я скажу, что девушка жива?

Рой развернулся так резко, что едва не упал.

– Откуда знаешь? Кто ты вообще такой?

Мужчина приподнял шляпу мизинцем и расплылся в довольной улыбке:

– Я же сказал: друг.

Глава 4

Господин Полох

– Звяк!

Осколки тарелки тихонько заплакали, когда я мазнула по ним веником. Нагнулась поднять чудом уцелевшую фарфоровую чашку, но и тут разочарование: край отколот, а через золотистый узор пролегла трещина. Тоже в мусор.

Вот тебе и великая честь! «Избранница, невеста Ветра! Счастливая!» – вздыхали дома соседки, втайне радуясь, что не их дочерей принесут в жертву. Знали бы они, что меня ждет вовсе не мягкая перина, но и не пытки в логове зверя. Вместо того и другого баба Рея отчитала меня за битую посуду, вручила веник и велела убирать. А сам Ветер, послав издевательский воздушный поцелуй, распахнул окно столовой и бесстрашно шагнул в бездну, чтобы в следующий миг взмыть в вышину.

– Што морщисси? – прошамкала старуха, упиваясь моим унижением. – Здеся табе ня королевские палаты. Нас в поместье всего двое и работает, а бабушка старенькая, бабушка к каждой вашей разборке поспевать не могёт!

На самом деле работа пугала меня меньше всего. После смерти отца у нас с мамой не осталось средств держать прислугу. Мы сами готовили, убирали, таскали с рынка корзи-

ны продуктов... Полоскать белье в ледяной воде, пропалывать грядки, замаскированные по краям кустами пионов, – все это я умела и белоручкой не была. А вот устранять последствия собственной глупости стыдилась.

Надо же так опростоволоситься! Мало того что показалась жениху (я снова поморщилась, когда это слово само скользнуло в мысли) несдержанной дурехой, так еще и испортила столько утвари... Да уж, всем невестам невеста! Не зря господин сказал, что порадуется, избавившись от меня.

Избавившись... Как, интересно? Отпускать меня Ветер не собирается. Поднимет в воздух да сбросит на острые камни, чтобы не мешалась? Или все-таки оставит вон... хоть пол подметать? Впрочем, то и другое лучше, чем снова ощутить его пальцы под платьем. Я одернула юбку, прикидывая, не найдется ли у бабы Реи одежды попроще и поплотнее, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Старуха тем временем оттирала капли джема с зеркал и недовольно цокала:

– Это ж что такого господин ляпнул, шо ты так осерчала, горюшко?

– Да уж нашел чем уязвить... – стиснула я зубы.

Отчитывать меня за беспорядок второй раз Рея не стала. Того больше, она понимающе хихикнула:

– Это он умеет. Эх, мальчишка... Но ты ня принимай близко к сердцу, горюшко! Господин ня так уж плох.

– Скажите еще, что он не такой козел, каким кажется, – осмелев, процедила я.

– О! – Старуха утерла манжетом выступившие от смеха слезы. – Он тот ышо козел! И каким кажется, и больше! Но по своей воле такими не становятся. Потерпи его покамест, горюшко. Авось стерпится-слюбится.

Я вспыхнула. Неужто эта добрая женщина и впрямь считает меня невестой Ветра? Невестой, а не глупой птичкой, угодившей в ловушку? Неужто не понимает, какая беда здесь творится?

– Ни за что на свете! Он насильно меня сюда приволок. Убежать я не в силах, но не лишайте меня права ненавидеть пленителя!

Старушка не приняла мои слова всерьез.

– «Пленителя»! Ишь! – Она еще раз провела тряпкой по стеклу, критически осмотрела свое отражение и поправила передник. – Думаешь, ты одна тут не по своей воле? Горюшко-горюшко...

– Тогда кто еще?

– А вот это, – Рея хитро сощурилась, и ее глубоко посаженные глазки в обрамлении морщин стали походить на заходящее солнце, – спросишь у него. Когда вы наконец научитесь говорить, а не посуду переводить.

Распросить старуху подробнее не удалось. Она увиливала, отшучивалась и насмеялась, но ни единой тайны не раскрыла. Все же не зря Ветер держал ее при себе. Зато, помогая горничной, удалось изучить особняк. Роскошные комнаты, сияющие всеми оттенками золота при ярком солнце, смотре-

лись аляповато и вызывающе. Просторные залы, где следовало бы устраивать шумные празднества, пустовали, и стук каблуков разносился по ним безжизненным эхом. Обтянутые бархатом кушетки и тяжелые гардины чихали клубами пыли, стоило к ним прикоснуться, а почти все каминные были закрыты заслонками и не использовались, отчего по покоям вечно гулял сквозняк.

Комната за комнатой, смахивая пыль с мебели, я оказалась в темной зале без единого окна, запнулась обо что-то и поспешила распахнуть обе двери: ту, через которую вошла, и ту, что вела в следующее помещение. Свет лентами пронзил взвившиеся в воздух пылинки, а я закрыла рот рукой, душа крик.

Комната была увешана картинами. Нет, не так. Все стены, не оставляя ни единого свободного участка, занимали женские портреты. Блондинки, брюнетки, рыжие, писанные красавицы и те, на кого не взглянуть без сочувственного вздоха, в роскошных нарядах и лохмотьях, с ярко покрашенными губами и с заживающими синяками. Несколько портретов и вовсе странные: обнаженные девушки с темной, как уголь, кожей.

Лишь одно было общим у этих женщин – взгляд. Точно такой же я видела в зеркале в ночь перед «свадьбой». Взгляд, полный безнадеги, взгляд невесты Ветра.

Десятки, может, сотни... не невест. Жертв. Возле глубокого кресла, на которое я налетела в темноте, стоял малень-

кий круглый столик с канделябром. Огарки свечи на нем рыдали воском прямо в пустой бокал с грязными стенками. Наверняка господин сидел здесь вечерами, смакуя напиток, и любовался трофеями, прикидывая, найдется ли местечко для еще одного портрета – светловолосой светлоглазой дурочки, что сама ему себя предложила.

Живот скрутило так сильно, что я согнулась вдвое. С трудом подавив приступ тошноты, неуклюже обогнула столик и бросилась прочь. Бокал, упав, всхлипнул осколками. Неужели здесь, в темнице без окон, затянутой паутиной, закончится моя жизнь? И много лет спустя мой портрет с такой же тоскливой безысходностью посмотрит на еще одну юную невесту, угодившую в лапы монстра?

Я неслась по особняку, путаясь в бесконечной анфиладе комнат. Только бы подальше, только бы спрятаться от сочувственных взглядов давно умерших женщин на портретах... Но они не отставали, сколько бы дверей ни хлопнуло за спиной.

– Горюшко, чаго ты? – удивилась попавшаяся навстречу баба Рея, но я не смогла остановиться.

Я и рыдания-то с трудом сдерживала. Спрятаться, скрыться, запереться где-нибудь, чтобы никто не видел, как больно, как страшно... За очередной дверью оказалось слепящее солнце. Я остановилась, не понимая, куда попала, прикрылась козырьком ладони. Только когда ветер плеснул в лицо капельки влаги, поняла: я пробежала особняк насквозь и вы-

скочила из противоположного выхода.

Свобода! Я вдохнула ледяной воздух и закашлялась с непривычки. Обернулась на темную пасть входа и... пошла прочь. О нет, я не пыталась сбежать! Даже тогда я была благодарна и понимала, что единственный путь к бегству – прыжок со скалы, ведущий в спасительное забытие. Я лишь хотела убраться подальше от проклятых портретов.

Расчищенная площадка перед домом закончилась почти сразу, а дальше пошло бездорожье. Гора под ногами крошилась и вкрадчиво шуршала, когда мелкие камешки катились со склона вниз.

Перед самым носом пронеслось птичье перо. Откуда бы ему взяться здесь, в безжизненной пустыне? Перо кувыркнулось, щекотнуло щеку и улетело куда-то высоко, к самому солнцу, что слепило, но не грело. Я зябко поежилась, но возвращаться в дом не спешила. Вместо этого продолжала смотреть на холодный золотой свет, точно он мог выжечь воспоминание о темной, похожей на могилу комнате.

Белоснежные вершины гор отражали лучи и сверкали, как драгоценные камни. Наверное, не будь я здесь пленницей, любовалась бы. Но тут одна из гор шевельнулась. Не гора даже, а крошечный кусочек льда на пике. Двинулся – и снова замер. Быть не может, чтобы кто-то или что-то выжило здесь! Я прищурилась, вглядываясь в белое на белом, привстала на цыпочки, словно это могло помочь. Ветер подсобил: ударил в спину, будто приподнимая над землей, растре-

пал волосы, застилая глаза и... я оступилась.

Оступись я на равнине, удержалась бы. А если бы и упала, невелика беда: отряхнулась и пошла дальше. В жестоких горах все иначе. Один неверный шаг стоит сломанной ноги, руки или... шеи. Валун под ступней пошатнулся, а туфелька, предназначенная для прогулок по бальным залам, а не острым камням, соскользнула с него. Я взмахнула руками, словно крыльями, и полетела. Но я не Ветер. Шагнув в бездну с кипящим в ней молоком облаков, я не могла через мгновение взмыть в небо. Когда я поняла, что падаю, кричать уже было поздно.

Я бы и не кричала. Разве что посмеялась от нелепости, в которую угодила. Не пыталась сбежать, а все же ухитрилась. Но прежде чем мое бездыханное тело навсегда замерло среди гор и покрылось снегом, его пронзила настоящая боль.

Раньше казалось, что в горах холодно. Какая глупость! Пламя вспыхнуло на спине и пробежалось до кончиков пальцев. Сначала оно было ласковым, но лишь сначала. Почти сразу огонь добрался до костей невыносимой болью. О том, что разнесшийся в тишине вопль был моим, я догадалась много позже. А потом боль исчезла. Так же быстро, как и возникла. Вместо нее пришел голос. Низкий, хрипловатый и полный издевки:

– Идиотка!

Его руки были горячими, как и тогда, когда скользили по моим бедрам. И хотя Ветер был почти болезненно худ, дер-

жали крепко. Так крепко, что я впервые осознала: не выпустит, как бы я ни умоляла. Возможно, разбиться и правда было бы лучшим выходом...

– Дура! – ругался Ветер, с трудом сдерживаясь, чтобы не подкрепить слова оплеухой. – Хотела сдохнуть, попросила бы меня – я бы тебя сам с удовольствием придушил!

Падение сменилось полетом. Но летели мы не так, как утром. Тогда господин Ветер волок невесту, словно ненужный тягостный груз. Теперь же он прижимал меня к груди, как великую ценность. Я летела с Ветром, была ветром и наконец поняла, что не чудовище живет в горах, но и не человек. Ветер не колдун и не бог, он живое воплощение ледяного воздуха, шустрых вихрей, колючих смерчей. Он сама стихия.

Уши закладывало от холода и скорости, но от его тела шло тепло. Не испепеляющий жар, что стек от метки по позвоночнику, когда я свалилась с горы, а спокойное пламя, какое целует щеки, если сидеть у очага зимним вечером. Ветер снова принес меня на террасу, увитую зелеными плетьюми. Поставил и неприязненно бросил:

– Хотела меня убить? Ну так ты не первая!

Сердце замерло. Если господин решил, что глупая птичка снова взялась царапать его своими крошечными коготками, как он ее накажет? Но в его словах не было ярости, лишь усталость и... понимание?

Не дождавшись ответа, он направился в спальню. На ходу

через голову стащил рубашку, стараясь, чтобы ткань не касалась спины. А я запоздало кинулась следом:

– Это все случайность...

Нет, не худой. Скорее поджарый, сухой, как охотничий пес, с натягивающими смуглую кожу мышцами... Я залюбовалась и не сразу заметила главное – метку жениха, перечеркнувшую спину Ветра так же, как мою собственную. И стало ясно, что клеймо обожгло не только меня.

Свадебная метка прекрасна, если не знать, кем она оставлена. Золотистый рисунок, распускающийся изящными листьями, обвивающий тела жениха и невесты, как лоза колонны. Чем ближе срок свадьбы, тем смелее завитки стебля, тем живее листья. Кажется, шевельнись – и они затрепещут, будто настоящие.

Но сейчас метка Ветра, протянувшаяся от запястья к запястью через хребет, не была золотой. Она полыхала красным, как раскаленный уголь, и, я знала, жжется не меньше. Знала потому, что после падения моя пекла точно так же. Вот почему господин не хотел отпускать меня домой. Вот почему не мог...

– Раздевайся! – бросил Ветер через плечо, роясь в ящиках стола.

Я попяtilась:

– Нетушки...

– Что сказала?

– Нет! – повторила я тверже и в отчаянии замотала голо-

вой. – Нет-нет-нет!

– Ты не в том положении, чтобы спорить! – отрезал жених, разворачиваясь на каблуках.

Ох, как же он был страшен! Брови распушились, ноздри трепетали, с усилием втягивая воздух, губы сжались в тонкую нить, а серьга с острым наконечником качалась из стороны в сторону, как веревка в ожидании висельника.

– Я не...

Он сделал шаг, и все доводы мигом испарились из головы. Я завизжала и кинулась на террасу.

– Дура! Сними платье и...

Неужто таким и станет мое наказание? Унизительным, болезненным и бессмысленным. Неужто честью и гордостью придется расплатиться не за спасение матери, не за отцовскую глупость, а за случайность?

– Не трогай!

Я неуклюже перегнулась через перила, готовая не то прыгнуть с обрыва, не то встать на них и улететь, как до того летал жених. Но Ветер поймал меня за руку и поволок к кровати.

– Сумасшедшая... Как, думаешь, Ветер находит своих невест? Едва обрученные разлучаются, метка накаляется! Она нас обоих чуть не убила! Ты нас чуть не убила! Да прекрати кусаться! Ай!

А кусалась я знатно! Кусалась, царапалась, сопротивлялась что есть мочи:

– Пусти! Не смей!

– Да что с тобой?!

Он был сильнее. Швырнул лицом вниз, придавил коленом в пояснице и рванул платье с плеч. Раздался треск ткани, одежда поползла вниз, я задержалась, пытаюсь удержать ее, но твердая рука стиснула шею сзади, вдавливая лицо в измятые подушки.

– Не дергайся! Больше будет!

Я, разумеется, задержалась втрое активнее:

– Пусти! Пусти! Я сделаю, что скажешь! Я заплачу, только не... Не надо! Не надо!

А горячая ладонь скользила по обнаженной спине. Только не к бедрам, чего я ждала с ужасом, а вдоль хребта и по плечам – именно там, где обжигала метка. Жар сменялся спокойной прохладой, а носа наконец достиг запах трав.

– А визгу-то было! – издевательски фыркнул Ветер и отпустил. – Теперь ты меня.

И повернулся спиной, словно не ждал, что я в любой момент могу вонзить в нее нож.

– Что?

Он кивнул на пузырек из изумрудного стекла и требовательно шевельнул лопатками. Вот тебе и страшный монстр с гор...

Ладони тряслись, но я сумела не пролить ни капли. Плеснула в пригоршню снадобья и коснулась обжигающе горячей метки своего жениха.

– Пх-х-х-х! Осторожнее!

– Прости...

– Это от ожогов. Рея принесла. Иногда метка жжется очень сильно, тебе ли не знать, – нехотя пояснил Ветер.

– Рея?

Жених серьезно кивнул:

– Она у нас знатный зельевар. Так что, если обидишь, может ненароком и яда в утренний кофе нацедить. Я как-то раз... – Жених запнулся и смущенно закончил: – А впрочем, неважно.

Алый рисунок посветлел до золотистого, обтянутые смуглой кожей мышцы расслабились. А мне хотелось глупо хихикать не то от миновавшей опасности, не то от осознания, что чудище, перед которым трепещет все Предгорье, едва слышно фыркает, сто́ит ненароком пощекотать ему бок.

– Прости, – виновато прошептала я. – Я не хотела, чтобы... Думала, метка вредит только мне...

– Не ты одна здесь в ловушке, – тихонько вздохнул Ветер.

– Не знала, что тебе будет больно...

– А что будет больно тебе – ничего? Бросаться со скалы вниз – сомнительное развлечение.

– Я не бросалась! – Я закусила губу и покраснела до кончиков ушей. – Оступилась и упала...

Ветер внимательно осмотрел меня и с наигранным сочувствием цокнул языком:

– Да уж, наряд для прогулки по горам сомнительный.

Лишь теперь сообразив, что ворот платья разорван и открывает куда больше, чем позволяют приличия, я поспешила подтянуть его ошметки вверх. Сияясь сохранить остатки достоинства, выдавила:

– Так получилось.

Жених вопросительно изогнул брови. И вдруг подался вперед, опрокинул меня на простыни и навис сверху. Его насмешливые, будто подведенные угольком глаза, пронзали насквозь, а дыхание опаляло почти так же сильно, как метка невесты. Он коснулся кончиком носа моей шеи, втянул воздух и скользнул выше, к подбородку.

– Уж не пыталась ли ты сбежать, маленькая птичка? – хрипло прошептал он.

Я вся сжалась. Стоило поверить, что передо мной насмешливый мальчишка, как тут же ему на смену приходил грозный господин. Реши он, что я вру, мигом обрушит кару на город... на маму, на Роя...

– Не пыталась, клянусь! Это случайно... Я вышла... вышла совсем ненадолго. И солнце... Показалось, в горах кто-то есть, засмотрелась и... и...

В ответ на мой ужас он засмеялся. Так, будто я вскочила на стул из-за крошечной мышки.

– Когда ты так меня пугаешься, любимая, я и сам верю, что страшен, как сотня ледяных великанов!

– Я... – Не решаясь шевельнуться, я уточнила: – Вы издеваетесь надо мной, господин?

Ветер отпустил меня и саркастично хлопнул в ладоши:

– Умничка! Угадала. А я уж начал подозревать, что ты глуповата!

Я села рядом с ним, оправляя платье.

– Ну, знаете ли, господин...

– Полох, – сквозь смех поправил он.

– Что?

– Мое имя Полох, любимая. Можешь не звать меня господином, Тисса.

Я открыла рот, недоумевая, когда монстр... Полох успел разузнать мое имя. Но мало ли, какие секреты у монстров!

– Спасибо... – Помедлив, я решилась назвать имя чудовища: – Полох. Спасибо, что спас мне жизнь. Я... вела себя недостойно. С самого начала. И приношу свои извинения, гос... Полох.

Он скомкал и отшвырнул рубашку в сторону, встал и потянулся так сильно, что подошвы мягких кожаных сапог оторвались от пола.

– Когда припрет прогуляться в следующий раз, потрудись хотя бы приодеться соответственно случаю.

– Я не гуляла. – Любопытство брало верх над благоразумием и, понадеявшись на хорошее настроение хозяина дома, я выпалила: – Я была в комнате с портретами. Представила, как вы... как ты сидишь там, в кресле, как смотришь на этих женщин и...

Закончить я не успела: Полох вспыхнул. Одним движени-

ем смахнул со стола книги, чернильницу и полупустую чашку с кофе и, прежде чем утих грохот, схватил меня за запястье.

В первое мгновение я не поняла, что нужно упираться, а когда он волок меня по коридору, едва поспевала переставлять ноги. О том, чтобы спросить, куда меня тащит Ветер, нечего было и помышлять. Когда же комнаты стали узнаваемы и стало ясно, где мы окажемся, было уже поздно.

Распахнутые двери так никто и не прикрыл. Но менее мрачной зала от этого не стала. Равнодушно перешагнув через валяющийся на полу канделябр и осколки бокала, Полох пихнул меня вперед:

– Смотри.

Я, напротив, зажмурилась.

– Нет, смотри! – требовательно повторил он, впиваясь длинными пальцами в мои плечи.

Никто не спорит с Ветром. Особенно когда он впадает в ярость. Подчинилась и я. Портрет, на который указывал господин, изображал печальную женщину с некогда насмешливыми, будто подведенными угольком глазами. Жители Предгорья не называли бы ее красивой: черноволосая, смуглая, тонкокостная. Но было в ней нечто завораживающее. Нечто, что заставляло верить: когда-нибудь золоченая рама картины треснет и ее пленница вырвется на свободу, порывом ветра промчится по пустым коридорам, поднимая клубы пыли, и взмоет в небо, как белокрылая птица. Но золоченая рама

держала крепче цепей. Полох смотрел на нее со смесью тоски и обиды.

– Это моя мать, – выдавил он. – Та, кому повезло понести от Ветра. Она жила здесь намного дольше, чем следовало, но куда меньше, чем мне хотелось. И ты действительно думаешь, что мне в радость сидеть здесь и смотреть на нее?!

Я стиснула зубы. Стоило попросить прощения... Или утешить? Нуждается ли монстр в утешении? И является ли Полох вообще монстром? Но прежде чем я нашла нужные слова, он убрался прочь.

Возвращаясь в свои покои, я умудрилась изрядно поплутать по дому и продрогнуть до костей. Отбросив стеснительность, прямо так, не раздеваясь, забралась в кровать и укуталась одеялом, но холод никуда не делся, заставляя дрожать, как мокрого птенца. Наверное, я просидела бы так добрую половину вечера, не находя в себе смелости дойти до кухни и попросить кого-то растопить камин, но на закате в дверь постучали.

– Горюшко, ты как тут? – Рея уверенно вошла, не дожидаясь приглашения. – А я тебе вкусенького... На, пей. Змерзла нябось?

От чашки, что она принесла, одурающе пахло мокрой землей и сеном. И чем-то еще... Родным и теплым, что ушло вместе со смертью папы.

– Что это?

Горничная не без гордости вдохнула аромат и едва побо-

рола позыв отхлебнуть.

– Это шобы ня простыть. А то просквозило ж всю! Ня ровен час сляжешь. Липа, ромашка, шалфей, солодка, – перечислила она. – И еще кой-чего, чему ты названья-то не знаешь. Да гляди до дна пей! Неча переводить... Травки-то эти поди еще достань в горах!

– А вы смыслите в зельях, да, баба Рея?

– А то! – не без гордости согласилась старушка. – Такое сварю, шо хоть мертвого подыметь, не то шо простуженного!

Она прикусила язык, но сказанного не вернешь. Задумчиво огладив горячую чашку пальцами, я спросила:

– Откуда вы узнали, что я была на улице и замерзла?

– А я и не знала, – отозвалась старушка, разжигая огонь. – Мне велели...

– Кто велел?

Но Рея поджала сухие губы:

– Заболталася я с тобой! Недосуг, недосуг!

И оставила меня наедине с потрескивающим камином.

Глава 5

Вспыхнувшее пламя

Дрова трещали и жутко дымили. Искры сыпались на лист железа перед камином и гасли, не найдя корма для нового пламени. Я успела переодеться в сорочку и устроилась поближе к огню, прямо на полу, подтянув колени к подбородку. Рыжие всполохи танцевали по дереву, трепетно гладили,

но стоило засмотреться на один из языков пламени, как он, уличенный, отскакивал назад и злобно шипел.

На душе было гадко. Полох отчитал, хотя за мной и не было вины, напугал и испортил платье. Но извиниться все равно хотелось мне. Подумать только! Извиниться перед чудовищем, которое похитило меня из родного дома! Да сама мысль смешна! Но образ печальной черноволосой женщины с портрета все не шел из головы. Нет, Полох не стал бы любоваться трофеями, не стал бы сидеть в мягком кресле, потягивая вино и вспоминая, как заканчивала жизнь каждая из невест отца. И мое предположение оскорбило его сильнее, чем можно подумать. Но я упрямо сидела в комнате, кусая губы и грея ладони о полупустую чашку травяного настоя. Пусть сначала сам извинится, а там посмотрим!

Дверь коротко скрипнула, замерла и наконец распахнулась во всю ширь. Я напряглась, прислушиваясь: шарканья, неизменно сопровождавшего бабу Рею, не раздалось, значит, это господин решил почтить невесту своим присутствием на ночь глядя. Неимоверных усилий стоило не вздрогнуть и не обернуться. Однако голос, раздавшийся позади, принадлежал не Полоху.

– Тисса?

Чашка полетела на пол. Я встала, не решаясь посмотреть на вошедшего.

– Тисса, малявка, это правда ты?!

– Рой...

Самый сильный, самый гордый и самый крепкий мальчишка на улице... да что уж, в целом мире! Он был моим лучшим другом. Единственным другом. Верным и терпеливым, до смешного упертым и самым-самым лучшим!

Мы встретились впервые, когда не знали цены ни дружбе, ни слезам. Но встретились из-за моих слез и подружились на всю жизнь. Я бессильно плакала, потому что сын пекаря толкнул меня в сточную яму. Такой униженной, грязной и застал меня Рой. Подал руку и обнял, не посмотрев, что и сам испачкается. А потом начистил рожу задире. Приволок его ко мне и сказал:

– На. Толкни его тоже.

– Не надо, – шмыгнула я носом. – От него и так воняет. – И, просветлев, добавила: – У меня кошка окотилась. Хочешь посмотреть?

Рой важно кивнул. И с тех пор мы всегда были вместе. Вместе сбегали на петушиньи бои, вместе прятались в отцовской телеге, когда тот собирался на ярмарку. Вдруг в этот раз не заметит и получится съездить в соседний городок? Взрослели мы тоже вместе, пока... Пока не наступил тот день. Папы не стало. Да и меня не стало тоже. А Рой... Кому нужна чужая невеста? Он лишь иногда оставлял для меня букеты полевых цветов и трав на окне, а мама выбрасывала их, если я не успевала забрать и спрятать под подушкой.

И вот теперь Рой стоял передо мной. Все такой же сильный, гордый, упрямый. Мужчина, а не мальчишка, которого я помнила. Настоящий герой.

Слезы покатались из глаз. Я поспешила вытереть их, прежде чем вскочила и повисла на шее у доброго друга. Ох, как же непросто теперь его обнять! Высоченный, широкоплечий... Ему пришлось приподнять меня, чтобы расцеловать в щеки, макушку, лоб.

– Это правда ты? Правда? – все повторял он.

– Да! Да, Рой! Это правда я!

Я наблюдала, как он растет, издалека, запертая в собственном доме. Все опасались, что малышка Тисса, вечно творящая глупости, влюбится и сбежит с кем-то из мальчишек, попытавшись обмануть господина Ветра. Что подвергнет опасности все Предгорье, уединившись... да, никто бы не устоял перед Роем с его пшеничными кудрями и добродушной улыбкой. Я бы тоже не устояла. И потому не возражала, когда матушка прятала принесенные им цветы. И вот он, наплевав на врожденную осторожность, стоял в самом логове монстра. Ради меня. Это же... суший кошмар!

– Рой, что ты здесь делаешь?! Как сюда попал?! Зачем?!

– У меня есть... друзья, – самодовольно хмыкнул тот. –

Они провели.

– Какие друзья? Как... – Я осеклась. Не все ли равно, как именно Рой пробрался в логово монстра? Куда важнее ско-

рее покинуть его. Я толкнула друга к двери. – Нельзя, чтобы тебя увидели, уходи немедленно!

Рой насупился. Бычок, каким и был с детства. Крепкий, мускулистый... упертый.

– Да, – согласился он. – Нужно уходить.

Схватил меня за руку и потащил.

– Куда? Рой! Рой! Я не одета!

Смешно сказать, но лишь последнее вырвало его из молчаливой задумчивости. Рой остановился и, убедившись, что из одежды на мне в самом деле лишь сорочка, отпустил.

– Одевайся, – буркнул он, глядя в сторону и потихоньку краснея.

– Рой, посмотри на меня.

Он посмотрел, да так, что пришлось невзначай скрестить руки, заслоняя грудь.

– Зачем ты здесь?

– Спасая тебя, малявка! – горделиво выпрямил спину Рой.

Спасает... В самом деле, он всегда спасал меня. От злобных псов, соседей с розгами, а однажды от бешеной лисицы, невесть как забредшей в самый центр Предгорья. А я снова и снова втягивала его в неприятности. Но на сей раз неприятность слишком серьезная, а я... Я уже лет пять как научилась справляться сама. Вынуждена была научиться.

– Ты дурачок, да? – ласково спросила я, касаясь его лба: не горячий ли?

Рой обиженно стряхнул ладонь:

– Я герой!

– Дурачок... – понимающе вздохнула я. – Рой, мы не дети, а Ветер не пекарь с метлой наперевес. Если Полох... Если господин тебя поймает, нам обоим конец. Уходи. Я очень, честное слово, очень тебе благодарна, но... уходи!

– Вот еще! Я заберу тебя отсюда, верну домой и... и...

– И подвергнешь опасности не только себя, но и весь город! Господин не отпустит невесту. А я не могу его прогнать и рискнуть чужими жизнями.

– Тогда я убью его!

Ох, замечательный, милый, наивный Рой! Он явился в поместье Ветра почти безоружным. Лишь с дубиной, словно подобранной по дороге. А что Ветру дубина? Так, веточка...

– Чем, позволь спросить?

– Да хоть голыми руками! Чудище больше не будет держать в страхе Предгорье! И обижать тебя я ему не позволю!

– Рой! Рой, милый! Успокойся! – Я погладила его по локтю. – Ветер никого не обижает. Оглянись! – Я провернулась вокруг оси. – Я в новой одежде, в уютной чистой комнате. Сыта и причесана. Мне не причиняют вреда.

Произнеся это, я и сама осознала, насколько везуча. Никто не ждал, что невеста Ветра дотянет до следующего утра, а я не только выжила, но и обзавелась союзницей в лице старой горничной, а еще едва не угробила господина без помощи каких бы то ни было героев, одной лишь собственной

неосторожностью.

– Ты... – Рой раздраженно прошел по комнате и наконец опустился на кушетку. Догадка ужаснула его. – Ты не хочешь идти со мной?

Я села рядом, утешающе коснулась его колена:

– Очень, очень хочу! Но я принесла клятву и намерена ее исполнить. К тому же... – Поколебавшись, я спустила бретельку сорочки, обнажая спину. – Это метка невесты. По ней Ветер найдет меня где угодно. А если мы окажемся слишком далеко друг от друга, она причинит обоим невыносимую боль.

Как в забытьи, Рой поднял руку и провел ногтем по рисунку. Я мягко отстранилась, поправляя одежду. Вдруг вспомнилось, что, когда мы только подружились, когда нас не разделяло проклятие, мы оба были еще детьми. А детям позволено спать вальетом в одной постели, нагишом купаться в речке и влезать в спальни друг друга. Теперь же Рой стал сильным мужчиной. А я... а я была в одной сорочке. Он облизал пересохшие губы, а когда я попыталась подняться, удержал и прижал к груди, как тогда, при первой встрече.

– Тисса... Я вытащу тебя отсюда. Обещаю.

Рой погладил меня по плечу, и бретелька сорочки снова невзначай соскользнула. И именно в этот миг случилось то, чему случиться не полагалось ни в коем случае: господин Ветер уступил своей совести. Не потрудившись спросить дозволения войти, он распахнул дверь с ноги и сразу заговорил:

– Ладно, любимая, признаю. Я слегка вспылел... А это что у нас такое?

Представшая взору жениха картина была воистину недвусмысленной! Невеста в нижнем белье, судорожно пытающаяся прикрыться, соперник, облапывающий неверную девицу... Я выставила ладони вперед в тщетной попытке успокоить Полоха. Мало же есть на свете слов, уместных, чтобы произнести их в такой ситуации! И я вспомнила самые банальные из них:

– Я все объясню!

– Ну к чему же? – холодно процедил Полох. – Я и так все вижу.

– Это не то, о чем ты подумал!

Ветер прищурился и небрежно перекинул волосы со стороны на сторону, демонстрируя сережку-коготь.

– Ты и представить себе не можешь, любимая, о чем я подумал.

– И это все равно не то! – не сдавалась я.

Единственным, кого ситуация полностью устраивала, оказался Рой.

– А ну иди сюда, заморыш! – потребовал он и, не дожидаясь, сам двинулся на господина Ветра.

Надо обладать недюжинной храбростью, чтобы вот так, почти без оружия, вызвать на бой монстра. А Рой всегда был осторожен и ввязывался в драку лишь в крайнем случае. Но и Полох не выглядел опасно: худощавый, встрепанный, бо-

соногий, наверняка собравшийся отойти ко сну и вылезший из постели лишь для того, чтобы принести извинения. Извинения... А тут я! С Роем...

– Ты посмотри, – обратился жених ко мне, – и правда верит, что победит! Ну разве это не очаровательно? Кто ты, болезный? – Это уже к Рою.

– Я тот, кто оторвет тебе башку! – самонадеянно представился герой из Предгорья.

Не удержав серьезную мину, Полох прыснул и взмахнул ладонью. Подхваченный порывом ветра, Рой взлетел к потолку и с грохотом рухнул вниз.

– Не трогай его! Пожалуйста!

– А разве я его трогаю? – саркастично ухмыльнулся Ветер. – Не прикоснулся, – повинуюсь движению его бровей, Рой невольно повторил маневр, – и пальцем!

И Ветер действительно не касался врага. Командуя воздухом, он перевернул Роя вверх ногами и приблизился.

– Друг мой, – сжал он его нос и подергал из стороны в сторону, – по какой нелепой причине самоубийственная мысль влезть в дом Ветра показалась тебе хорошей?

В ответ Рой плюнул в лицо монстру, но тот ловко увернулся.

– Надо же, промазал! Попробуешь объясниться еще раз?

– Да пошел ты! – с готовностью «объяснился» Рой.

– Полох-Полох-Полох! – Я повисла на плече жениха, что ничуть не мешало ему продолжить издевательства. – Это моя

вина, слышишь?

– О, я ни на мгновение в этом не усомнился! Что же еще, как не златокудрая девица с пунцовыми ушами, может спровоцировать подобного дурака на встречу с чудовищем?

Произнося это, он не забывал снова и снова отправлять Роя в полет.

– Да я тебя!.. Только подойди!.. Да я тебя... – вопил герой, то и дело сталкиваясь со стенами, мебелью и потолком. – Ну давай, гад, иди... – Еще удар! – Сюда!

Ветер позволил Рою плашмя упасть посреди комнаты и в предвкушении поинтересовался:

– О-о-о, благородный господин желает вызвать меня на поединок? На чем предпочтете сражаться? Снова на плевках или выберем более подходящее для мужчин оружие?

В его ухмылке мелькнуло нечто знакомое. Нечто, что я уже видела пять лет назад на лице монстра, наступающего сапогом на голову моего отца. Они уже забрали у меня одного родного человека, лишили нормальной жизни... Но навредить единственному другу я не позволю!

Наверное, эта ярость всегда была во мне, а в тот миг она просто перелилась через край. Я вцепилась в жениха и повалила его на пол. Рой же, не теряя времени, подхватил дубину и бросился к нам, но не добежал: Полох вскинул руку, и нас обоих, меня и Роя, сдуло.

Строгий пучок на затылке растрепался, но я, не обращая внимания на рассыпавшиеся волосы, снова кинулась вперед:

– Не смей его трогать!

– Любимая, не веди себя как...

Полох едва успел подняться, но я запрыгнула на него снова, да так удачно, что мы оба рухнули на кровать, сорвав балдахин с пологом, в котором тут же запутались, как рыбы в сетях.

Колотила ли я подушки, мягкое изголовье или все же попала пару раз по жениху, не знаю. Но когда Полох выбрался, выглядел он достаточно помятым и взъерошенным, чтобы удовлетворить мою гордость. На свободе Полоха встретил кулак Роя. Он ударил в подбородок так смачно, что стало слышно, как лязгнули зубы господина Ветра, и тут же добавил в живот. Воздух выбило из легких Полоха, он взмыл вверх, уходя от третьего удара – уже дубиной. Оружие опустилось на одеяло рядом со мной, я только взвизгнуть успела, а Рой в пылу драки и не заметил, что чуть не пришиб ту, которую явился спасать. Он сиганул на кушетку, оттолкнулся и попытался достать врага в полете, но если Ветер изящно плыл по воздуху, то Рой, которого немалый вес тянул к земле, был неуклюж, как запеченная индейка. Полох уклонился, а Рой упал, задев камин и покотившись по раскаленным уголькам, посыпавшимся из него. Коснувшись пальцами ног пола, Ветер сочувственно произнес:

– Кажется, кто-то здесь злоупотребил моим гостеприимством...

Откинув налипшие на шею волосы, он обнажил стальное

острие сережки, поднял руку...

– Нет! – взмолилась я, сама не зная, падать на колени или сражаться. – Не трогай его! Рой – мой единственный друг. Не убивай его! У... – Я стиснула зубы. – Умоляю...

Рука Ветра дрогнула:

– Ты... что?

– Умоляю, – процедила я. – Рой не хотел причинять тебе зла, он просто волновался...

– Я убью чудовище! – не к месту вставил Рой.

– Не похоже, чтобы твой приятель явился с добрыми намерениями, – развел руками Полох.

– Он всего лишь дурак! – зажмурившись, крикнула я. – Дурак, который хочет стать героем! Ты же не убьешь мальчишку, лупящего крапиву палкой?

– Тисса?! – уязвленно воскликнул Рой, выронив дубину.

Я не смотрела на друга. Знала, какая тоска и безнадега отразилась в его светлых глазах, знала, как обиженно задрожал подбородок. Как знала и то, что не позволю Рою умереть, как когда-то умер папа. Я стиснула кулаки, и ногти до боли впились в ладони.

– Он наивный мальчишка, который не понимает опасности!

Тихий гул, пока не оформившийся в звук, прошелестел под ногами. Гора шевельнулась, порыв ветра распахнул окно и сорвал занавески, а снаружи угрожающе заворочались камни: господин Ветер едва сдерживал ярость.

– Ты споришь с тем, кто может уничтожить твой город. Кто может убить тебя, – напомнил Полох. – Уверена, что *он*, – он кивнул на Роя, – наивный дурак, не понимающий опасности?

Мне бы извиниться и спрятаться под кровать... Но я выдержала надменный взгляд жениха, не сойдя с места. И посмела ответить:

– Ты обещал, что никто не обидит меня здесь, если буду вести себя благоразумно, помнишь?

– Помню, – поджал губы Полох и многозначительно добавил: – Но и ты не забывай.

Он подул, и вихрь, повинувшись приказу, подхватил Роя, огромного широкоплечего богатыря, как пушинку, вышвыривая из особняка.

– Рой! – Я бросилась к окну. – Он же разобьется!

– Башка у него крепкая, – равнодушно передернул плечами господин.

– Тогда он потеряется и замерзнет в горах!

– Ну как-то же он сюда попал, – резонно возразил Полох. – Выберется тем же путем.

Все же Рой приземлился удачно. Перекатился по мелким камешкам, остановившись раньше, чем начался обрыв, погрозил кулаком, изобразил несколько неприличных жестов и успел отпрыгнуть от дубинки, отправленной Полохом в полет вслед за хозяином. Только после этого я, украдкой переведя дух, укорила жениха:

– Ты его чуть не убил!

У всякого нахальства есть предел. И свой, видимо, я переступила. Господин Ветер приблизился ко мне и одним ловким движением усадил на подоконник.

– Слушай, любимая, ты мне не нравишься, – доверительно сообщил он. – Ты упрямая, нахальная, приставучая, требовательная и шумная. Мне не в радость, что приходится держать тебя здесь.

– Так, может... – заикнулась я, но он перебил:

– Но это не значит, что не буду. Поводок метки связывает нас обоих и не дает разлучиться, но я буду очень, очень благодарен, если ты постарайся держаться от меня подальше. Максимально далеко, насколько позволяет колдовство. К сожалению, этого все равно недостаточно, чтобы не раздражать меня.

Со ссадиной на подбородке, лохматый, взъерошенный, он походил на галчонка, попавшего в ураган. Наверняка после нашей борьбы и я выглядела не лучше. Спohватившись, я поспешила хоть как-то прибрать волосы и дерзко заявила:

– Ты не хочешь меня здесь видеть? Что ж, я хочу гостить у тебя еще меньше! Так давай подумаем, как избавиться от нашего проклятия, и разойдемся, чтобы больше друг о друге никогда не вспоминать!

Его темные глаза нехорошо сверкнули. Полох перехватил мою руку, не давая заплести косу, и пропустил несколько прядей сквозь пальцы.

– Избавиться от проклятия? Что ж, я знаю один верный способ, как это сделать.

– Так что же ты молчал?! Давай сделаем это немедленно!

Я заерзала на подоконнике, намереваясь спрыгнуть, но жених не шелохнулся, так что места не нашлось: либо прыгать в его объятия, либо оставаться в ловушке оконной рамы, как рисунок на портрете.

– Боюсь, он тебе не понравится, – насмешливо приподнял брови Полох.

– Понравится! Мне понравится любой способ, который позволит оказаться подальше от тебя, и, как я понимаю, ты тоже им с удовольствием воспользуешься!

– Я-то... – Он сделал длинную паузу и наклонился, опалая дыханием мой висок. – С больши-и-и-им удовольствием!

Я приготовилась к продолжению, пояснениям, инструкциям, но он так и стоял, не двигаясь и чего-то ожидая. Понадобилось позорно много времени и ехидный смешок жениха, чтобы я догадалась.

– О... О! О-о-о! Так метку можно снять, если?..

– Именно, – бесстыже подтвердил Ветер, сжимая мою талию. – Если невеста станет женой. Ну что, – елейным голоском спросил он, – продолжим, любимая? Консумируем брак?

– Я не стану спать с тобой!

Я сбросила его руки и оттолкнула, как будто говорила с приставучим воздыхателем, а не с хозяином гор и ветров.

– Уверяю, *спать* мы и не будем, – добил Полох, кончиком длинного пальца стаскивая бретельку с моего плеча и едва ошутимо касаясь кожи губами.

По всему телу прошел озноб, мгновенно сменившийся жаром. Метка на спине пошевелилась как живая. Но я спрыгнула на пол, перебежала к ширме и спряталась за ней. Еще и завернулась в халат, оставленный Реей среди одежды, дабы точно ничем не спровоцировать жениха стать мужем. И только после этого решилась выглянуть:

– Уверена, есть другой способ. Мы сможем разорвать связь, и ты меняпустишь. И тогда мы оба будем счастливы!

На непроницаемом лице Полоха невозможно было прочитывать ни единой эмоции, кроме надменного ехидства:

– Ты не в том положении, чтобы заключать со мной сделки, любимая. Особенно сегодня.

– Но мы хотим одного и того же, – нашлась я. Все же дочь торговца обязана выторговать хотя бы собственную свободу. – Мы вполне можем потерпеть друг друга ради общей цели, да?

Он молчал. Не выдержав неизвестности, я повторила:

– Да, Полох?

Он бросил быстрый взгляд в ту сторону, где закончил свой полет Рой. Поморщился и, прежде чем выйти, бесстрастно поправил:

– Для тебя – господин Ветер.

Глава 6

Старая сводня

Последующие дни превратились в карточную игру, где нужно держать серьезную мину и делать вид, что на руках все козыри, тогда как на деле даже правила никто не удосужился объяснить.

Полох был подчеркнута вежлив. Вежлив настолько, что это становилось подозрительным. Обыкновенно он избегал меня, но, столкнувшись ненароком в коридоре, раскланивался, неизменно интересовался самочувствием и настроением, предлагал проводить «возлюбленную невесту» в ее покой. Совместные приемы пищи я и вовсе по возможности

пропускала, хотя и неизменно получала за это нагоняй от Реи. И вот как-то перед завтраком господин Ветер постучался, прежде чем войти.

– Д-да? – опасливо откликнулась я.

– Позвольте составить вам компанию, возлюбленная невеста? – ехидно поинтересовались из-за двери.

– Разумеется, – дозволила я, прикидывая, где еще провинилась перед хозяином и мог ли он об этом прознать.

– Благодарю вас, – пафосно изрек он и, перешагнув порог, присел на кушетку.

Он шевельнул пальцами, и, повинуюсь желанию господинна, кувшин с водой поднялся со столика в воздух и наклонился над бокалом. Бокал, в свою очередь, перелетел к Ветру. До чего же привычным и прекрасным было это колдовство! Полох не просто ворожил, он дышал магией, сам был ею. И только искры в темных глазах сверкали по-прежнему надменно. Я замороженно наблюдала за таинственным действием, втайне завидуя дару жениха. Но наш безмолвный уговор соблюла и учтиво спросила:

– Разве вы должны спрашивать дозволения, господин?

– Ну как же! – Ветер подался вперед, легко приподнимая бокал за ножку. – Не хотелось бы ненароком помешать возлюбленной невесте, если она вдруг снова... – длинный глоток и звенящая в паузе тишина, – пожелала принять у себя гостей.

Я закусила губу и ощутила, как уши наливаются краской.

Прошло немало времени, но неожиданный визит Роя не был ни забыт, ни прощен.

Повинуясь приказу, я держалась от Ветра подальше, дабы не раздражать и не раздражаться. Но вчера, расхрабрившись, приблизилась к его покоям, чтобы объясниться, ибо неизвестность мучила куда сильнее насмешек. Однако, едва подойдя к комнате, услышала голоса куда более громкие, чем бывает при спокойном разговоре.

– ...а ежели так и будешь своевольничать, я тебе уши-то поднадеру! Мало я тебе зад в детстве розгами стегала? Так я и щас могу напомнить!

Рея! Старушка не испытывала перед Ветром ни малейшего страха. Полох же – надменный, самолюбивый Полох! – не только спускал ей подобное, но и сам по привычке втягивал голову в плечи, когда слышал ругань горничной.

– Рея, я уже не ребенок! Я хозяин здешних земель, так что будь добра...

– Хозяин козявок и мокрых пяленок ты! Ишь, нашел перед кем кичиться! Перед дурехой напуганной! Я разве так табя учила?

– Отец учил относиться к невестам как к сношенным сапогам, так что посуди сама, чье воспитание запомнилось мне лучше.

– Так и шо таперича, поклоны тебе бить? Хорошая ж девка! От веника не шарахается, не боится рук замарать, старушке помогает! А в столовую поди вытяни: все табя

боится прогневить!

– Угу, – саркастично отозвался господин. – Боится, как же.

– Не ест, почитай, ничего, тощаить шо ни день. Эдак совсем скоро... кхе-кхе... ветром качать начнеть! А жена-то какая должна быть? Шобы ладненькая, кругленькая, шобы детишек...

Ветер несильно, но значительно повысил голос:

– Ты бы лучше поучила манерам нашу гостью, а не меня. Принимать мужчин по ночам – плохая затея. Особенно в доме жениха.

– А ты, остолоп, сам бы ее ночами чаще навещал, авось и...

– Рея! – Полох устало вздохнул. Половицы заскрипели – кто-то раздраженно нарезал по ним круги. – Чего ты от меня хочешь?

– А шо я хочу? – как ни в чем не бывало удивилась старушка. – Я туточки окна мою, чаго я хочу? Так, балакаю, покамест...

– Ты же понимаешь, что я не могу... Хотел бы... Но не могу! Не хочу, чтобы все повторилось.

– Ну так и шо таперь, волком на нее глядеть? Девочка к тебе со всей душой...

– Угу, – Ветер зло швырнул что-то на стол, – со всей душой, как же! Я был добр к ней, Рея. Настолько, насколько это вообще возможно для такого, как я! И чем она отпла-

тила за доброту?

Шлеп!

– Ай, – охнула старушка, – тряпку уронила! Поддай, а то спускаться не вмоготу. А чем яна табе отплатила? Кабы сама полюбовников зазывала – это одно. А шо к ней заявился рыцарь энтот ваш, так то горюшко и не виновата во-все! Ты бы подземные ходы для слуг заделал сразу, как я упреждала, и рыцарь бы не влез. А то шо папаша твой недоглядел, как тогдашний купец пробрался, шо ты таперича... Эдак вскорости по энтим ходам к вам целую армию приведут!

– Не посмеют.

– Помяни мое слово, не след недооценивать людские страхи! Они много на шо толкають... Вон матушка твоя покойная, да будут облака ей периной...

– Рея, – предупредительно перебил горничную Ветер, – не надо.

– А шо я? Я ничаго! Ты и без меня знаишь, как яна, болезная, едва табя уродив, с гор бросилась. Хорошая девочка была, как родная мне...

– Рея... – Он сделал длинную паузу и тихо закончил: – Пошла вон.

Нечто неуловимое заставило непробиваемую старуху, не домыв окно, броситься прочь из комнаты. Я едва успела спрятаться за поворотом коридора, когда она выскочила из покоев хозяина и, несмотря на почтенный возраст, по-моло-

децки припустила в сторону кухни. А в комнате послышался грохот, как если бы кто-то вспылил и перевернул стол, заваленный грудой книг.

Меньше всего хотелось, чтобы Полох понял, что я подслушала тот разговор. Ведь единственное, что может быть страшнее издевок господина Ветра, – это его злость. Потому я склонила голову в вежливом поклоне:

– Чем обязана вашему визиту, дорогой жених?

Некоторое время колючая улыбка боролась с новым выражением – тем, какое господин Ветер не позволял увидеть никому. Наконец Полох отставил бокал и спрятал лицо в ладонях.

– Кто-то тебя обижает? – невнятно спросил он.

– Что?

Жених опустил руки и отчетливо повторил:

– Кто-то обижает тебя в моем доме?

– Никто...

– Быть может, Рея сказала что-то лишнее? Или я был груб?

О, груб он был, еще как! Груб, саркастичен, высокомерен и просто невыносим. Но в сравнении с тем, кого я ожидала встретить в горах...

– Нет. Не слишком, – ответила я поочередно на оба вопроса.

– Тогда что мешает тебе просто сидеть тихо и не лезть ко мне в голову?..

– Куда?!

– В спальню, – поправился он. – Ты шныряешь по особняку, словно пытаешься выведать какую-то тайну.

«Все-таки узнал!» – с ужасом поняла я. Но дальнейший разговор свернул на еще более опасную тропку.

– И этот твой... воздыхатель. Ты просила его о помощи? О защите? Оглянись, любимая, здесь не от кого защищаться!

Я комкала пояс платья и рассматривала его так, словно впервые увидела. Что же, укорять меня жених имел полное моральное право.

– Не просила... – наконец выдавила я. – Рой пробрался сюда по своей воле, а я умоляла его уйти, чтобы...

– ...чтобы я не застукал вас и не оторвал ему голову?

Страшное воспоминание заполнило все мое существо. Я вскочила с перины, злая, как дикая кошка.

– Не смей так говорить о нем! Рой хотел как лучше! Он пытался спасти меня, потому что... Потому...

– Потому что любит?

Я выдохнула и вернулась на место. Полох не видел того, что случилось с отцом. Лишь случайно обронил болезненное слово. И, хотя иногда кажется иное, на прежнего Ветра он едва ли походил.

– Не знаю. Возможно. Мы не виделись пять лет.

Он плавно поднялся и пересек комнату. Шаги Полоха, всегда легкие и текучие, завораживали. И на сей раз я тоже залюбовалась, не успела испугаться, когда он опустил

на постель со мной рядом. Однако в глаза смотреть избегал: подался вперед, упер локти в колени, а пальцы сцепил так крепко, будто сдерживал какое-то движение.

– Как думаешь, что сделают предгорцы, отпусти я тебя?

– Восславят великодушного господина, – произнесла я скорее, чем задумалась.

– Избавятся от Ветра, – скрипнул зубами Полох, – посчитав его слабым и безвольным. Столетиями хозяин гор требовал жертв, и ни одна из них не возвращалась. Если вернешься ты...

Его пальцы были так крепко переплетены! Не потому ли, что иначе они задрожали бы? Неужели грозный господин ветров... боялся? Как во сне, я потянулась к нему – накрыть смуглую ладонь своей. Но Полох, опередив движение, хлопнул себя по бедрам и резко вскочил.

– Поэтому если... *Если*, – особо подчеркнул он, – ты вернешься домой, то всем скажешь, что перехитрила и убила меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.